

Алексей Митрофанов

Парки и сады Москвы

Из прошлого

Алексей Митрофанов
Парки и сады
Москвы. Из прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67754840

ISBN 9785005659651

Аннотация

Почему сад «Эрмитаж» так называется? Зачем Чехов ходил в сад «Аквариум»? Для какого парка изваяли «Девушку с веслом»? Все это и многое другое – в сборнике «Парки и сады Москвы. Из прошлого».

Содержание

Сад «Эрмитаж»	6
«Пузырь полетит»!	7
На широкую ногу	8
Если верить газетам	11
После революции	13
Сад «Аквариум»	15
С чего все начиналось	16
Садовый бизнес Малкиелей	17
На шаре над Москвой	18
Котенок в подарок	20
Восставший «Аквариум»	21
Первый московский роллердром	23
Мировая война	24
Мощный удар котоподобного мужчины	25
Обретение стабильности	27
Александровский сад	28
Один из старейших	29
Кризис речки Неглинки	31
Политехническая выставка	33
В честь Дома Романовых	35
После революции	36
С какой стороны ни посмотришь – событие	37
Могила Неизвестного Солдата	39

Девичье поле	41
Маленький треугольный сквер	42
На масленицу	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Парки и сады Москвы

Из прошлого

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2022

ISBN 978-5-0056-5965-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему сад «Эрмитаж» так называется? Зачем Чехов ходил в сад «Аквариум»? Для какого парка изваяли «Девушку с веслом»? Все это и многое другое – в сборнике «Парки и сады Москвы. Из прошлого».

На обложке – парк «Студенец». Фото автора.

Сад «Эрмитаж»

(Каретный ряд, 3)

«Пузырь полетит»!

Сад «Эрмитаж» заложен в 1892 году. Его основателем и владельцем стал театральный антрепренер и ресторатор Яков Васильевич Щукин. Летняя часть сада открылась для посетителей в июне 1894 года, а зимний театр – в декабре того же года. Название же взяли от существовавшего ранее и к тому времени закрывшегося сада «Эрмитаж». Он располагался на месте сегодняшних Антроповых Ям.

Щукин, фактически, подобрал очень сильно раскрученный и абсолютно бесхозный бренд. А чтобы посетители не приезжали на старое место, первое время сад в Каретном называли «Новым Эрмитажем».

Впрочем, увеселительная история этого места началась чуть раньше. Тут некий немец Берг развлекал публику полетом на воздушном шаре. Владимир Гиляровский вспоминал: «Разгородили в двух местах забор, поставили в проходе билетные кассы и контроль, полезла публика и сплошь забила пустырь, разгороженный канатами, и «сидячие рублевые места», над которыми колыхался небольшой серый шар, наполненный гретым воздухом.

– Пузырь полетит! – волновались собравшиеся.»

«Пузырь» успешно на картофельное поле, под Москвой.

На широкую ногу

Все в этом саду обустроили на широкую ногу. Первым делом снял метровый слой грунта и вместо него положил чернозем – чтобы цветы и деревья пышнее росли. И только после этого он приступил к организации садового пространства.

Две летние эстрады, летние буфеты под навесами. Аллеи, беседки, скамейки, фонтаны и статуи. Вечерами все это хозяйство освещалось электричеством – Щукин первым в Москве приобрел частную дизельную электростанцию.

А на фонарях красовались вензеля с буквами «ЯЩ» – «Яков Щукин». Настолько владелец гордился своим электричеством. Эти фонари дошли до наших дней.

Именно здесь в июне 1896 года состоялся первый в городе общедоступный сеанс синематографа братьев Люмьер. Это сразу же стало традицией, и спустя несколько дней «Московские ведомости» сообщали: «В закрытом театре ежедневно после спектакля будет показываться публике новейшее изобретение – живая движущаяся фотография «Синематограф Люьера».

В 1897 году здесь с фантастическим успехом прошел первый сольный концерт Анастасии Дмитриевны Вяльцевой.

В 1898 году именно в «Эрмитаже» состоялся первый спектакль нового, Московского художественного театра.

Один из основателей, Константин Станиславский писал о помещении, в котором начинался ныне знаменитый на весь мир театр: «Грязный, пыльный, неблагоустроенный, холодный, нетопленный, с запахом пива и какой-то кислоты, оставшимся еще от летних попоек и увеселений, происходивших здесь... Вся обстановка была применена к запросам садового зрителя и носила печать дурного тона. Это сказывалось во всем: и в окраске стен, и в рисунке обоев, и в подборе цветов, и в пошлой отделке, и в убогой роскоши, и в вывесках, расклеенных по стенам, и в рекламном занавесе на сцене, и в мундирах лакеев, и в подборе закусок в буфете, и во всем оскорбительном строе и распорядке дома».

Что поделать, пришлось поработать: «Все стены с их пошлыми объявлениями мы просто закрасили белой краской. Скверную мебель закрыли хорошими чехлами, нашли приличные ковры и устлали ими все коридоры, примыкавшие к зрительному залу... Мы сняли пошлые занавески с дверей и окон, вымыли самые окна, выкрасили их рамы, повесили тюлевые занавески, неприглядные углы закрыли лавровыми деревьями и цветами».

И в том же 1898 году здесь состоялось учредительное собрание Литературно-Художественного кружка. Вскоре он обосновался на Большой Дмитровке и сделался ведущей литературной площадкой Москвы. Достаточно было сказать: «Еду в Кружок» – и все сразу же понимали, о чем идет речь.

А в 1903 году здесь развлекал москвичей легендарный

Гарри Гудини, первейший американский иллюзионист.

Если верить газетам

Москвичи тут наслаждались выступлениями Федора Шаляпина, Марии Ермоловой, Леонида Собинова, Антонины Неждановой. А газеты ежегодно объявляли об очередном открытии сезона: «Вчерашняя стужа не помешала полному успеху открытия сада и театра „Эрмитаж“. Театр, в котором давали очень бойкий фарс, был полон и г-жи Грановская, Чекалова, г. г. Сабуров и Пальм имели большой успех. В саду было много публики. В концертном отделении заинтересовала Лона Борисон, разнообразная артистка, solo исполнявшая целую пантомиму».

Из тех же дореволюционных газет мы узнаем о разных происшествиях, случавшихся в парковой жизни. Вот, к примеру, такая история: «В саду „Эрмитаж“, в Каретном ряду, купец П-в, находясь в нетрезвом состоянии, затеял на веранде ссору со своим сыном. Ссора обострилась. „Папаша“ тут же на веранде начал „учить“ сына, как следует себя держать в обществе. „Ученье“ перешло в драку, привлекающую к себе внимание посетителей. Ни отец, ни сын из сада добровольно идти не пожелали, а когда их выводили силой, то они нанесли побои двум половым и распорядителю сада, о чем полиция составила протокол».

Знаменитости тоже пошаливали. В 1907 году газета «Московский листок» сообщала: «29 мая в саду „Эрмитаж“

произошел скандал. Между актером В. А. Блюменталь-Тамариным и редактором газеты „Вече“ В. В. Оловенниковым возникло какое-то недоразумение, и актер, недолго думая, дал Оловенникову пощечину. На место происшествия стала стекаться публика. Участников скандал пригласили в контору. По словам г. Блюменталь-Тамарина, он ударил Оловенникова за то, что тот „обругал“ его».

Но в основном все было более-менее пристойно.

После революции

В 1918 году сад национализировали и передали в ведение Пролеткульта. Щукин с семьей еще в семнадцатом уехал в Евпаторию, затем в Константинополь. Однако же на жизни «Эрмитажа» это будто бы и не сказалось. В нем все так же, одно за другим происходили яркие события, входившие в историю русской культуры.

В частности, уже в 1919 году здесь состоялся дебют Первого московского великорусского оркестра. Впоследствии он превратился в Национальный академический оркестр народных инструментов имени Николая Осипова, известного балалаечника, прозванного за виртуозность «Паганини на балалайке».

Тут же действовала одна из двух рулеток в городе Москве. Ее хозяином был знаменитый летчик Александр Кузьминский, также известный как племянник Льва Толстого. Самый известный графолог страны Дмитрий Зуев-Инсаров скромно сидел в «Эрмитаже» за отдельным столиком и предсказывал по почерку судьбу. За прогноз брал недорого – всего-то 50 копеек.

А Михаил Булгаков писал в повести «Роковые яйца»: «В Эрмитаже, где бусинками жалобно горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде куплетисты Шрамс

и Карманчиков пели куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым:

*Ах, мама, что я буду делать
Без яиц?..*

– и грохотали ногами в чечетке».

Карикатурист Борис Ефимов возмущался: «Нэпманскую стихию я наблюдаю в увеселительном летнем саду „Эрмитаж“... Гляжу я на раскормленных франтов в брюках дудочкой и претенциозных шляпах-панамах, на их покрашенных дам в модных, немислимо узких юбках до пят, позволяющих передвигаться только семенящей вихляющей походкой. Плывет кухонный чад над столиками ресторана, стоит пьяный гомон, визгливый хохот подвыпивших дам и скабрёзные шуточки их кавалеров, барственно погоняющих взмыленных официантов».

Но дело, начатое Щукиным, однако, продолжалось.

Кстати, именно в «Эрмитаже» прогуливались Людочка и Хоботов, герои культового фильма Михаила Козакова «Покровские ворота». Это тоже страница в биографии сада. И, вместе с тем, высокая оценка, выставленная ему историей.

Сад «Аквариум»

(Большая Садовая улица, 14)

С чего все начиналось

Сад под названием «Аквариум» – одно из старинных увеселительных мест. Он был основан в 1893 году, и получил свое название в честь огромного аквариума, действительно стоявшего в этом саду, в беседке.

Открытию сада предшествовало одно резонансное событие. Годом раньше здесь, на земле, принадлежавшей семье Малкиелей прошла Первая московская электрическая выставка.

Журнал «Наука и жизнь» сообщал: «Под выставку отведена была обширная площадь в 5000 квадр. сажень со всеми находящимися на ней зданиями, дворами и открытыми местами для прогулок; последние, в течение летнего сезона, были превращены в сады и асфальтированные площади, пересекаемые рельсовым путем, по которому публика каталась на вагончике, двигавшемся с помощью электрических аккумуляторов Владимирова. Здесь же был грот, освещенный лампочками накаливания, и места, с которого поднимался воздушный шар, по вечерам освещавшийся во время полета на протяжении нескольких верст электрическим прожектором Шукерта, установленным на крыше одного из домов. Наконец, здесь же красовались и фонтаны, освещенные электричеством».

Садовый бизнес Малкиелей

Летом выставку посещало около тысячи человек в день, а зимой – около трех сотен. В результате Малкиели поняли, что мимо них проходят золотые и бриллиантовые горы. И, когда выставка закончила свою работу, открыли здесь увеселительный сад.

Влас Дорошевич писал: «Ломали асфальт, выламывали под ним кирпич, рыли колоссальные ямы. Возили откуда-то земли. Привозили из окрестностей Москвы и сажали с корнями выкорчеванные столетние деревья. И через каких-нибудь две недели асфальтовая площадь превратилась в „старый“ тенистый сад, полный аромата. Шумели развесистые вековые деревья, и огромными пестрыми благоухающими коврами раскинулись под ними грандиозные клумбы цветов. Длинный безобразный каменный сарай превратился в изящный нарядный театр».

В принципе, это был обычный сад, с традиционными садово-парковыми развлечениями. Тир, кегельбан, гимнастическая площадка, приставучий фотограф со своей громоздкой камерой. Летом – буфеты под открытым небом. Зимой заливали каток.

Лавочки, тенистые аллеи, вычурные фонари.

На шаре над Москвой

Бывали, впрочем, и оригинальные «садовые» находки. К примеру, «вечера огня», когда москвичей развлекали зрелищными фейерверками. Да что там фейерверки! В саду можно было забраться в корзину самого настоящего воздушного шара. И полетать на нем над городом.

Правда, к шару цеплялся канат, который мешал ему далеко улететь. Но при желании можно было подписать особый договор и, фактически, взять шар в аренду. Этаким шаршеринг.

Недаром здешними увеселениями заправлял легендарный московский антрепренер Михаил Лентовский. Впрочем, его в скором времени сменила не менее известная балерина Лидия Гейтен, которая и сама не брезговала станцевать на здешней эстраде.

Вообще, администраторы менялись здесь довольно часто. Кстати, первое время этот сад носил другое, гораздо более интригующее название – «Чикаго». Но, видимо, хозяева решили, что не каждый москвич знает это слово. И сменили его на другое, более распространенное – «Аквариум». Конечно, приезжий крестьянин мог не знать и его. Но крестьян в том саду и не ждали. А любители покутить были прекрасно знакомы с аквариумами – они имелись в многочисленных московских ресторанах и трактирах.

Кроме того, «Аквариумом» называли знаменитый сад в Санкт-Петербурге. Очень полезная для бизнеса ассоциация.

Переименование произошло в 1898 году.

Котенок в подарок

Здесь не гнушались выступать лучшие коллективы России. В частности, в 1902 году гастролировала труппа петербургского Александринского театра. Садовая публика аплодировала самой Вере Комиссаржевской. А в 1904 году тут начала выступления «Частная опера» Сергея Зимина. Антрепренер писал: «Помню в театре были подношения, когда из букета вылетали голуби, дарили чудных сибирских и ангорских котят, красивых маленьких собачек с чудесными лентами и даже белых мышек. Конечно, подношения в виде громадного собольего горжета или горносталя тоже случалось нередко, и любители подходили к барьеру у оркестра и ловили капельдинеров и рабочих сцены, чтоб узнать: от какой фирмы – от Михайлова, или от Рогашкина, или Ежова этот подарок?»

Правда, помещение самого театра было так себе: «небольших размеров холодный сарай с земляным полом и крохотной сценической площадкой».

Но зрители прощали эти мелочи.

Репертуар же был классический: «Жизнь за царя» Михаила Ивановича Глинки, «Черевички» Петра Ильича Чайковского, «Аида» Джузеппе Верди, «Кармен» Жоржа Бизе.

А вот Антон Павлович Чехов ходил сюда, чтобы полюбоваться мастерством какого-то особенного жонглера.

Восставший «Аквариум»

В декабре 1905 года сад (видимо, из-за своей близости к району Пресни, вдруг сделался одним из центров московского вооруженного восстания. Борис Пастернак писал в поэме «Девятьсот пятый год»:

Вот отдельные сцены.

Аквариум.

Митинг.

О чем бы

Ни кричали внутри,

За сигарой сигару куря,

В вестибюле дуреет

Дружинник

С фитильною бомбой.

Грут во рту. Он сосет

Эту дрянь,

Как запал фонаря.

Дошло до того, что увеселительный сад окружила полиция. Тогда смутьяны спрятались в театре. Но, конечно, их оттуда быстро выкурили. Николай Телешов писал: «Вдруг с треском распахнулись двери справа и слева, и в зал с лихим напором, вытянув впереди себя ружья со штыками, ворвались солдаты, а за ними пожарные в медных касках, с высо-

ко поднятыми над головами керосиновыми пылающими факелами. Зал сразу осветился, но зловещим светом, запахло нефтью и копотью, и жуткие широкие тени запрыгали по стенам. Народ невольно отпрянул. Полицейский пристав, с револьвером в руках вбежавший в кольцо пожарных, громко и хрипло закричал на весь театр:

– Вон отсюда, подлецы и мерзавцы!

Искомандовал очистить зал».

И опять наступила вполне мирная жизнь.

Первый московский роллердром

В 1910 году в аквариуме устроили первый в Москве роллердром – залитая асфальтом и покрытая особой массой площадка для катания на роликах. Разумеется, с буфетом и оркестром. И в том же 1910 году «Утро России» сообщало: «В „Аквариуме“... обновлена вся программа открытой сцены. В качестве „гвоздей“ приглашены семь андалузкой танцовщиц-хироманток, которые по окончании своих танцев будут сходиться в партер „рассказывать всем желающим их судьбу“, и труппа пантомимистов Зенетц, разыгрывающих пантомимы с животными-автоматами».

Мировая война

Сад несколько преобразился с началом Первой мировой войны. Москвич Николай Шапов писал в дневнике: «Пошли вечером в летний сад „Аквариум“. Смотрели программу, затем остались в зале ужинать; на сцене шансонетки. Среди присутствующих много молодых офицеров, произведенных на два месяца раньше срока. Крики „гимн!“, усиливавшиеся после каждого номера. Наконец, оркестр трижды исполнил гимн русский, раз – французский. Требуют сербский – его оркестр не знает. Кто-то из публики его запекает; с ним чокаются; аплодисменты... Уходим; при выходе газетчики».

Мощный удар котоподобного мужчины

А в советское время в литературу вошла общественная уборная этого сада. Именно в ней булгаковский кот Бегемот (точнее, котлак – кот-оборотень) побил администратора Варенуху. Цитируем «Мастера и Маргариту»: «В саду ветер дунул в лицо администратору и засыпал ему глаза песком, как бы преграждая путь, как бы предостерегая... Как ни торопился Варенуха, неодолимое желание потянуло его забежать на секунду в летнюю уборную, чтобы на ходу проверить, одел ли монтер в сетку лампу... Даже в предгрозовом потемнении можно было разобрать, что стены уже исписаны углем и карандашом.

– Ну, что же это за!... – начал было администратор и вдруг услышал за собою голос, мурлыкнувший:

– Это вы, Иван Савельевич?

Варенуха вздрогнул, обернулся и увидел за собою какого-то небольшого толстяка, как показалось, с кошачьей физиономией.

– Ну я, – неприязненно ответил Варенуха.

– Очень, очень приятно, – писклявым голосом отозвался котообразный толстяк и вдруг, развернувшись, ударил Варенуху по уху так, что кепка слетела с головы администратора и бесследно исчезла в отверстии сидения».

В этот момент Бегемот находился в человеческом обли-
чии. То есть был человеком, только лишь похожим на кота,
а не самим котом.

Обретение стабильности

А в 1959 году здесь построили новое здание для Театра имени Моссовета. Сам он был основан еще в 1923 году как Театр имени Московского губернского совета профессиональных союзов. Пользовался популярностью, однако же своей площадки не имел. Здесь же труппа наконец-то избавилась от необходимости то и дело куда-нибудь переезжать.

Александровский сад

(Манежная площадь)

Один из старейших

Александровский сад – один из старейших в Москве. Он был разбит в 1819 – 1823 годы, когда после изгнания Наполеона Москву приводили в порядок. Тогда, помимо всего прочего, речку Неглинку забрали в подземный коллектор. И над этим коллектором (над той его части, что ближе к Москва-реке) как раз и разбили Александровский сад.

Но, по сути, это место было своего рода парком и в более древние времена. Здесь, на берегах Неглинки, устраивали гулянья. Зимой заливали катальные горы, к лету сооружали качели.

Именно тут, по традиции, москвичи праздновали масленицу. Мужчины наряжались в женскую одежду, а женщины, соответственно, в мужскую. Ко лбу приставляли рога, сзади пристраивали хвост. Щеки мазали углем. И выли по-звериному.

Священники признавались: в масленицу народ безумствует.

Один из иностранцев отмечал: «Во всю масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство, так что ужасно слышать о том всякому христианину».

Вероятно, здесь просто неправильный перевод или непонимание самого интуриста. Речь, скорее всего, шла

не об убийствах, а о традиционной русской забаве – кулачных боях.

Впрочем, могло быть всякое.

Кризис речки Неглинки

Со временем Неглинка обмелела, расплзлась и сделалась неряшливой. Елизавета Янькова вспоминала: «Около Кремля, где теперь Александровский сад, я застала большие рвы, в которых стояла зеленая вонючая вода, а туда сваливали всякую нечистоту, и сказывают, что после французов в одном из этих рвов долго валялись кипы старых архивных дел из какого-то кремлевского архива».

Не удивительно, что от этой речки решили избавиться.

Сад создавали как символ победы в войне. Парадный вход украсили ликторскими топориками и ликторскими прутьями – древнеримскими символами власти. У подножия кремлевской стены по проекту архитектора Осипа Бове соорудили грот «Руины». Он и вправду был сложен из остатков разрушенных московских домов.

По праздникам и выходным внутри этого грота играли военные оркестры.

Писатель Сергей Глинка восхищался: «Хотя новые Кремлевские сады не предлагают еще тени, но кажется, что сама рука граций устроила их. Тут, как будто бы действием волшебства, тенистое и болотистое место превратилось в очаровательный предел, пленяющий взоры и оживляющий ум приятным развлечением».

А в 1856 году, в связи с коронацией Александра II сад по-

лучил нынешнее название – Александровский. Тем самым заодно подчеркивалась его роль как сада-памятника – ведь победа над Наполеоновским войском была одержана под руководством царя Александра I.

Политехническая выставка

В 1872 году в саду произошло довольно яркое и резонансное событие – Политехническая выставка. Ее приурочили к 200-летию со дня рождения Петра Великого – как известно, большого любителя всевозможных технических новшеств.

Петр Ильич Чайковский специально написал к открытию той выставки кантату.

Выставка продолжалась полгода. Организаторы и не предполагали, что среди москвичей обнаружится столько желающих наблюдать работу паровых котлов и наслаждаться зрелищем газовых ламп.

В результате после завершения выставки власти приняли решение открыть в Москве два познавательных музея – Политехнический и Исторический. А многочисленные нарядные павильоны раскупили дачники.

В 1908 году здесь, уже на Московской выставке, демонстрировали знаменитый американский «Туристический вагон Хейла». Для него под Троицким мостом устроили вокзал, перрон и рельсы. На перроне барышни в тирольских платьях торговали шоколадками. Конечно же, швейцарскими.

Посетители выставки забирались в вагон, занимали места. А после третьего звонка на экране начиналось кино – виды

тирольской железной дороги, снятые ранее с настоящего поезда.

Многие пугались и выскакивали из вагона.

А Анастасия Цветаева, сестра поэтессы Марины Цветаевой, вспоминала: «Как в раннем детстве мы иногда ходили в Александровский сад, в его волшебную глубину».

В честь Дома Романовых

Еще одно довольно важное событие произошло здесь в 1914 году. По поводу 300-летия Дома Романовых в Александровском саду установили стелу. Ее автор – архитектор Сергей Власьев. Ничего особенного в этой стеле не было – просто перечислены цари романовского рода. Венчал ее бронзовый двуглавый орел.

Но сами торжества были обставлены так пафосно, что стелла не могла остаться незамеченной. «Московские ведомости» сообщали: «Ведущие в Александровский сад с Воскресенской площади ворота и прилегающая к ним железная решетка были украшены национальными флагами. Около обелиска, ближе по кремлевской стене, было устроено небольшое возвышение, красиво задрапированное гирляндами зелени; на возвышении была помещена особо чтимая москвичами святыня – чудотворная икона Иверской Божией Матери. По всей длине аллеи бульвара стояли шпалерами юнкера Александровского, Алексеевского и Тверского кавалерийского училищ и части войск Московского гарнизона с оркестром музыки».

И так далее.

После революции

Стела сделалась последним дореволюционным памятником, установленным в Москве.

После октябрьской революции 1917 года сад стали перекраивать на новый лад. В первую очередь это коснулось уже упоминавшейся романовской стелы. Ее поначалу хотели снести. Но Ленин предложил оставить этот монумент, снять с него царские регалии и высечь имена исторических революционных деятелей. Так и поступили.

31 августа 1918 года газета «Правда» писала: «В Александровском саду заканчиваются работы по удалению надписей на обелиске Романовых. На этом обелиске будут выгравированы имена всех видных революционеров. Московские Совдепом на эту работу отпущено 150 тысяч рублей».

А 3 ноября 1918 года рядом с гротом был открыт памятник Максимилиану Робеспьеру работы Беатрисы Сандомирской. Ей исполнилось всего 24 года, это была ее первая серьезная работа и, одновременно, первый памятник Москвы, поставленный в соответствии с ленинским планом монументальной пропаганды.

С какой стороны ни посмотришь – событие

На церемонию открытия стянулись красноармейские полки. В глазах рябило от знамен. Играла «Марсельеза». К подножию возлагали венки из хризантем.

Жак Садуль, французский коммунист, выступил с речью: «Старая религия учила народ подчиняться и обещала рай на небе. Новая религия коммунизма учит строить рай на земле. Буржуазия всячески старалась унижить истинное значение французской революции и оклеветать Максимилиана Робеспьера, этого честного и преданного революционера так же, как клеветает сейчас на ваших вождей. Советская Россия ставит памятник Робеспьеру в то время, как во Франции памятника „Неподкупному“ нет».

Переводила эту речь видная деятельница новой России Александра Коллонтай.

Сразу же после открытия Сандомирской стали угрожать. А 7 ноября памятника не стало. «Северная Коммуна» сообщила: «Памятник Робеспьеру в ночь с 6-го на 7-е ноября был уничтожен чьей-то преступной рукой. Фигура Робеспьера, сделанная из бетона, превращена в груды мелких осколков, разбросанных вокруг. Постамент уцелел. На место происшествия поставлен караул и ведется расследование».

Была, впрочем, и другая версия – ошибка молодого

и неопытного скульптора. Что-то там напутали с расчетом центра тяжести.

Это был первый и единственный монументальный памятник, сооруженный Беатрисой Юрьевной. Больше ничего подобного она не делала. Занималась организационной работой, устраивала скульптурные мастерские в провинции, резала деревянные скульптурные портреты современниц, оформляла залы к праздникам, преподавала.

Но на большее уже не замахивалась.

Могила Неизвестного Солдата

8 мая 1967 года, в канун Дня Победы в память об одной войне присоединилась память о другой – Великой Отечественной. В Александровском саду перезахоронили останки воинов, павших в Московской битве. К этому событию здесь был сооружен мемориал – Могила Неизвестного Солдата и Вечный Огонь.

Сергей Смирнов, писатель, вспоминал: «Мне довелось участвовать в создании надписи, которая высечена сейчас на могиле Неизвестного солдата. Это было так. Четырех писателей – К. Симонова, С. Михалкова, М. Луконина и меня – пригласили в Московский городской комитет партии. Мы долго советовались, предлагая, обсуждая и отвергая различные варианты, вспоминая лучшие надписи, начертанные на памятниках в нашей стране и за рубежом. Наконец, остановились на тексте, который предложил С. В. Михалков: «Имя его неизвестно, подвиг его бессмертен». В общем обсуждении эти слова были одобрены и приняты лишь с небольшой поправкой». Окончательный текст таков: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен»».

В 1990 годы на границе с Манежной площадью соорудили комплекс фонтанов и скульптур Зураба Церетели. Романовский обелиск уже в нашем столетии привели к первоначальному виду. Установили еще один памятник – патриарху

Гермогену.

История сада не завершена.

Девичье поле

(Проезд Девичьего поля, 1)

Маленький треугольный сквер

Сейчас Девичье поле – маленький треугольный сквер, зажатый между проездом Девичьего Поля, Плющихой и Большой Пироговской улицей. Но еще в позапрошлом веке он и вправду был похож на поле, свободно раскинувшееся под северо-восточной стеной Новодевичьего монастыря. Другим своим концом Девичье поле упиралось в Садовое кольцо.

Кстати, до сих пор точно неизвестно – то ли поле названо в честь знаменитого монастыря, то ли наоборот.

Первоначально эта местность называлась по-другому – Самсонов луг. Здесь и вправду находился огромный луг, принадлежавший то ли некоему Самсону, то ли некоему Самсонову. Существует даже смелое предположение, что улица Остоженка носит свое название в честь тех стогов, траву для которых скашивали именно на Самсоновом лугу.

Но это было так давно, что мы сейчас можем довольствоваться только буйством собственной фантазии. Что тоже, в общем-то, неплохо.

Еще в древности на этом месте резвились городские девушки. Днем они пасли коров, а вечерами устраивали тут всякие игры и водили хороводы. А в середине XVIII века здесь стоял театр. Спектакли были только в праздники или же летом, но зато бесплатные. Каждый год из городской казны на это дело выделялось три сотни рублей – и даже са-

мые бедные москвичи могли здесь насладиться «комедиальными увеселительными интермедиями».

Гастролировали иллюзионисты. Жени Латур обедал внутри раскаленной печки, а господин Пинетти забавлял присутствующих моментальными преобразованиями.

Самые же грандиозные гулянья состоялись здесь в 1826 году, по поводу коронации Александра I. На них присутствовал сам царь – для высочайшего семейства выстроили специальную роскошную ротонду. А простые люди поглощали дармовые угощения – жареной бараниной, копчеными окороками, пряниками и коврижками. Из многочисленных фонтанов били вина – красные и белые.

На масленицу

На Девичьем поле москвичи устраивали масленичные гулянья. Газеты писали: «Переполненные вагоны трамваев подвозят все новые и новые «партии» масленично настроенной публики. Шум, гам, свист. Специфическое «галдение» подгулявшей толпы.

На первом плане, конечно, карусели. Гармонисты залихватски ожаривают марши. А деревянные кони с испуганно-выпученными глазами неутомимо скачут, растопырив сразу все свои четыре деревянные ноги. Очень много «амазонок», предпочитающих «кавалерийское» седло более или менее удобному месту в коляске».

А гвоздем программы был особенный, «масленичный театр»: «Пожинает лавры успеха «народный театр», на фронто-не которого голубыми буквами изображено: «Только что вернувшаяся из путешествия труппа известного народного певца Муравьева-Сидорова дает в течение Масленой недели интересные представления». Г. Муравьев-Сидоров в не первой свежести сюртуке озабоченно выглядывает из-за кулис и делает многозначительные жесты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.